

положен на главном холме, и его торгового предместья, возникшего как квартал иноземных купцов, субсидировавших местную торговую общину (*kārum*). Характер публикуемых Э. Билгичем текстов не оставляет сомнения в том, что местное правительство имело своих писцов, владевших клинописью, так же как имели своих писцов купцы из областей северного торгового пути: Месопотамии, Сирии, а также хеттские, которые пользовались тем же самым видом письменности на староассирийском диалекте. Один из документов представляет купчую на раба, приобретенного за шесть сиклей серебра — цену непомерно низкую для этого периода; выполнение условий сделки гарантировано 30 сиклями серебра — суммой, представляющей обычную цену раба. Последнее наводит на мысль о специфических условиях составления документа, по всей видимости, принудительного. Э. Билгич опубликовал также два перечня местных граждан, в первом перечне даны приписанные (*aštarum*) к дому верховного судьи Каниша (см. Г. Г. Гиоргадзе, *Rabi simmiltim* «каппадокийских» табличек, ВДИ, 1966, № 4, стр. 81 сл.) — их всего 40 человек; среди них названы поименно восемь человек начальники складов цитадели, поименно главы трех округов, названных по именам собственным разных лиц (один — тезка царя Варшамы); плотник одного из городов, также названный по имени; посол Куланала, и с ним трое глав, имена которых не названы, — двое «одним поселении, третий со своей матерью в другом — по именам; далее сле-

дуют также без упоминания имен шесть глав одного поселения и 12 глав другого (также безымянных) и два безымянных канишских кузнеца. Присутствие в списке начальников областей и посла делает маловероятным, как нам кажется, предположение автора о том, что в нем перечислены работники главного администратора Каниша, подсчитанные по головам; скорее в нем речь идет о главах администрации местного самоуправления (которые в текстах, как правило, безымянны) и о должностных лицах фиска, перечисленных поименно. Второй список по структуре подобен первому (начало и конец текста разрушены), в нем также перечислены главы и представители разных лиц и поселений, в том числе старшины пастухов. Автор дает в комментарии к каждому тексту этимологию некоторых имен, частью впервые встречающихся, частью уже известных, среди них только одно иноземное, хурритское имя, остальные — анатолийские. В общем комментарии приведены данные о географических названиях. Небольшой экскурс, посвященный сведениям относительно *šuḫrū* «отроков», упоминающихся при имени их хозяина, Кикаршена, в качестве находящихся в Канише, — показывает, что в Канише это не рабы. Раздел с содержит отдельные слова и профессиональные термины. — Н. Я.

В. К. Афанасьева, И. М. Дьяконов, И. Т. Канеса, Г. Х. Каплан, С. М. Капшай, И. Ш. Шифман, В. А. Якобсон, Н. Б. Яковская

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ШУМЕРСКОМУ И АККАДСКОМУ ГЛАГОЛУ

В сборнике статей в честь Б. Ландсберга¹ опубликованы две статьи, посвященные принципиальным вопросам шумерского и аккадского языков, в которых выдвигаются весьма спорные гипотезы. Поэтому эти статьи заслуживают специального критического разбора.

Статья Торкильда Якобсена² посвящена наиболее темной части шумерской грамматики — глаголу. Автор ставит своей целью определить структуру шумерской глагольной формы,

установить принцип образования грамматических формантов, определить их значение и место в глагольной форме.

Показатели, стоящие перед корнем, Якобсен делит на префиксы, префиксы и инфиксы (обычно в шумерологии первые две группы показателей называются префиксами наклонений и префиксами «спрягаемой формы», а все остальные — инфиксами; правильное же их все считать префиксами различных разрядов). Показатели, находящиеся после корня, Якобсен подразделяет на суффиксы основы, «суффиксы в более узком смысле» и постфиксы (правильнее и здесь было бы говорить о разных разрядах суффиксов). Основной принцип классификации: два показателя, которые не могут находиться одновременно в одной и той же глагольной форме, относятся к одному и то-

¹ «Studies in Honor of Benno Landsberger on his Seventy-fifth Birthday, April 21, 1965» («Assyriological Studies», № 16), Chicago, 1965.

² Th. Jacobsen, About the Sumerian Verb, стр. 71—101.

му же грамматическому разряду (позиции).

Далее Якобсен приступает к разбору каждого разряда показателей в отдельности. В разряде профиксов автор устанавливает ранее неизвестный показатель *niš-*; рассматривает как самостоятельные показатели *li/a-* и *de/a/u-*, исключает из числа профиксов показатели *inga-* и *ù-*. Существование показателя *niš-* остается сомнительным, так как автор приводит только один пример; недоказанным представляется существование показателей *li/a-* и *de-*; прежнее толкование их как фонетического варианта *ni-* и как «эмесальной» (женской) формы префикса *hē-* кажется нам неопровергнутым. Интересен подход Якобсена к установлению значения «профиксов»: он исходит из двух определяющих моментов — воли говорящего к реализации события и степени реальности события.

По мнению Якобсена, префиксы, инфиксы и «суффиксы» в более узком смысле имеют одинаковое строение — они состоят из комбинации местоименного и пространственного (падежного) показателя, а некоторые еще и именного (т. е. показателя, восходящего к самостоятельному имени на предшествующем этапе развития). Как известно, шумерологи школы А. Пибеля и А. Фалькенштейна считают, что подобную структуру (местоименный + пространственный показатель) имеют только пространственные префиксы («инфиксы» по Якобсену).

Все «префиксы» Якобсен делит на группу определяющих время действия и на группу определяющих место действия. Обе группы в свою очередь делятся на подгруппы, первая — на подгруппу профиксов, выражающих степень длительности действия (*a-*, *i/e-*, *u-*), и на подгруппу префиксов, выражающих отношение данного действия к другому (*nga-*, *mga-*, *ù/a/i-*). Вторая группа делится на подгруппу префиксов, передающих, по терминологии Якобсена, *aspect of propinquity* (*m-*, *l-*, *n-*), и подгруппу префиксов, выражающих *aspect of regional contact* (*mi-*, *ma-*, *ba-*, *ni-*, *bi-*). Рассмотрим подробнее каждую подгруппу.

Префиксы *u-*, *a-*, *i/e-*³, согласно Якобсену, имеют следующее значение: *u-* — действие происходит в ограниченный отрезок времени, *a-* — действие представляет собой длительный процесс, *i/e-* — действие длится в течение небольшого промежутка времени. Значение префиксов *a-* и *i/e-* Якобсен выводит из аккад-

ских переводов шумерских глагольных форм в MSL, IV, где формы с *a-* переводятся стативом (состояние, длительный процесс), а формы с *i-* — претеритом (мгновенное действие). Однако в том же томе MSL есть формы с *a-* и с *i-*, переводимые совершенно одинаково. Противопоставление форм с префиксом *a-* формам с префиксом *i-* едва ли можно обнаружить и в самих шумерских текстах; формы с *a-* весьма редки, и большинство шумерологов, как известно, вообще не признает *a-* за самостоятельный префикс. А. Пибель регистрирует его только в текстах из Шуруппака II раннединастического периода⁵ и в «послешумерских» текстах, Э. Солльберже находит его и в текстах из досаргоновского Лагаша, где он, по его мнению, придает глагольной форме вневременной характер. В новошумерском префикс *a-*, видимо, был неупотребителен. Что касается префикса *u-*, то его и сам Якобсен обнаруживает только в некоторых формах императива типа *gál-lu* «открой!» (как известно, в императиве все префиксы становятся суффиксами). Поэтому нам кажется, что материал пока недостаточен для выделения самостоятельных префиксов *u-* и *a-* наряду с *i/e-*. См. также ниже о показателе *mi-*.

Префиксы *nga-*, *mga-*, *ù/a/i-*⁶. Среди шумерологов нет единодушия по вопросу о классификации показателя *i(n)ga-* (нерасчлененный показатель наклонения *i(n)ga-* или же пространственный префикс *-n* + *ga-*, которому предшествует префикс спрягаемой формы *i-*?). Разногласия объясняются тем, что в текстах этот показатель встречается как в начале глагольной формы, так и после префикса наклонения («профикса») или после префикса спрягаемой формы («префикса»). Якобсен, очевидно, прав, исключая префикс *nga-* из числа префиксов наклонений. Однако, если исходить из значения *nga-* как показателя совместного действия (или, по Якобсену, «общей связи» двух действий)⁷, то кажется маловероятным отнесение его и к префиксам спрягаемой формы (об их значении см. ниже).

⁵ Видимо, как местное диалектное соответствие префиксу *e-* лагашского диалекта?

⁶ Префиксы *nga-* и *mga-* состоят, по Якобсену, из местоименного показателя *-n* (и *-m-*), именного элемента *-g-* и пространственного (иллативного) показателя *-a-*; префикс *ù/a/i-*, соответственно, из нулевого местоименного и из пространственного показателя. Но такая структура этих префиксов трудно доказуема.

⁷ Некоторые шумерологи приписывают этому показателю еще и подтвердительное значение («воистину»).

³ Об этом подробнее ниже.

⁴ Эти префиксы, по Якобсену, имеют следующую структуру: местоименный элемент (нуль) и пространственные показатели: иллатива *-a-* (вхождение внутрь), аллатива — *i/e-* («внешнее плотное прилегание») и тангентива *-u-*.

Возможно, этот показатель стоит особняком⁸.

Префикс *ù*-⁹ правильное было бы все-таки считать «профиксом». Во-первых, нам неизвестны глагольные формы, в которых префикс *ù*- встретился бы вместе с одним из «профиксов», что указывает на необходимость отнести *ù*- к префиксам наклонения («профиксам»). Во-вторых, как нам кажется, префикс *ù*- никогда не указывает на одну лишь последовательность действия саму по себе (согласно Якобсену, *ù*- указывает на то, что данное действие произошло ранее другого последующего действия), но всегда придает глагольной форме модальный — уступительный или условный характер («если... то...»), что характерно для «профиксов».

Префиксы *m*-, *l*-, *n*-¹⁰. Префикс *m*- Якобсен называет «показателем близости (proximity) к пространству ситуации высказывания»¹¹. Сочетание *m*- с последующими префиксами *tu*-, *ta*-, *mi*-, по мнению автора, выражает быстрое приближение действия к пространству говорящего и затем локализацию действия в этом пространстве: *na-mu-ra-dè* «пусть он не найдет меня!», *nam-tu-ra-dè* «пусть он не придет и не найдет меня!». С нашей точки зрения, разница здесь чисто орфографическая. Префикс *l*-, по Якобсену, — «показатель близости к точке, относительно удаленной от говорящего» (стр. 78). Иначе говоря, этот префикс показывает, что действие, передаваемое глаголом, направлено к определенной внешней точке или цели: *gišimmar en-na 3-kùš al-sukud-e a ab-bal-e* «пальмы, до тех пор пока (до высоты) 3 локтя он (не) вырастит их, водой он может орошать». Поскольку префикс *al*- (по Якобсену — сочетание префиксов *a* + *l*?) с глаголами действия встречается редко, а чаще всего употребляется с глаголами состояния, приведенное его истолкование представляется нуждающимся в дальнейшей аргумен-

тации. Префикс *n*- Якобсен называет «показателем близости к автономному пространству внутри пространства ситуации высказывания» (стр. 84); поскольку примеры не приведены, трудно судить о его существовании и значении.

Префиксы *tu*-, *ta*-, *ba*-, *mi*-, *bi*/e-. По мнению Якобсена, элемент *m*- локализует действие в «пространстве ситуации высказывания», а элемент *b*- — в «пространстве происшествия». Локализация уточняется с помощью падежно-пространственных показателей *-u*-, *-a*-, *-i*/e-. Соответственно, префикс *tu*- выражает близость к говорящему (не только во времени и пространстве, но и эмоционально); префикс *ta*-, по Якобсену, сохраняет свое первоначальное значение «показателя локализации события, выраженного глаголом, внутри пространства ситуации высказывания» только в последовательности *-m-ta-* (стр. 81), например, *giš im-ta-ta-gar* «бревна из нее (сокровищницы) унес». Префикс *ba*- локализует действие «внутри пространства происшествия» (стр. 82), т. е. показывает, что действие происходит где-то не там, где находится говорящий, например, *ba-gin* «ушел», *ba-tum* «унес», но *tu-tum* «принес сюда». Префикс *mi*- показывает, что действие имеет место «вне, по другую сторону пространства высказывания» (стр. 83); например, при перечислении стел писец описывает ближайшую к нему формой с префиксом *mi*-, а все остальные, более удаленные от него, с помощью форм с префиксом *bi*-, который локализует действие «сразу за пределами пространства происшествия».

Взгляды Якобсена на значение и происхождение шумерских глагольных префиксов значительно отличаются от существовавших ранее. Как известно, до сих пор наибольшее распространение имело мнение Фалькенштейна, согласно которому все префиксы делятся на основные: *tu*-, *e*/i-, *al*- и вторичные: *ba*-, *be*/i-, представляющие собой пространственные префиксы («инфиксы»), замесившие префиксы спрягаемой формы глагола путем передвижения с III на II позицию и параллельные по значению формам *imma*-, *immi*- (< *e/i-ba-, *e/i-be-/i-, где пространственный показатель *-ba*-, *-be*/i- занимает свою нормальную позицию). При исследовании префиксов спрягаемой формы до сих пор особое внимание уделялось префиксам *tu*- и *e*-¹², причем для их объяснения было выдвинуто множество теорий, перечислять которые здесь нет необходимости¹³. Су-

⁸ Существовал ли самостоятельный префикс *nga*-, отличный от *nga*- (по Якобсену, он был показателем *specified contemporaneity*) — решить трудно.

⁹ Формы *a*-, *i*-, — видимо, фонетические комбинаторные варианты префикса *ù*-.

¹⁰ По Якобсену, эти префиксы состоят из местоименных элементов *-m*-, *-l*-, *-n*- и нулевого показателя так называемого коллативного падежа, выражающего, по его мнению, отношение совместности (стр. 77). Существование такого падежа, однако, представляется сомнительным.

¹¹ Якобсен делит пространство, с которым локативные префиксы соотносят глагольное действие, на пространство ситуации высказывания (подразумеваемая при этом местонахождение говорящего и адресата высказывания) и на пространство происшествия, отделенное от говорящего (пространство места действия).

¹² Префикс *al*- получает широкое распространение только в поздних текстах.

¹³ См. В. В. Струве, Префиксы *tu*- и *e*- шумерского глагола, ВДИ, 1962, № 4, стр. 94 сл.; о них же, Проверка теории о значении глагольных префиксов *tu*- и *e*-, ВДИ, 1964, № 2, стр. 107—118.

шественно, что *ти-* и *е-* обычно рассматривались как контрастирующая пара. Этого не смог избежать и Якобсен, который на стр. 79 в прим. 11 говорит о засвидетельствованном в текстах чередовании префиксов *ти-* и *е-*.

Так как предположение о существовании группы префиксов, выражающих степень длительности действия (куда Якобсен относит и префикс *е/и-*), нельзя считать доказанным и так как все исследователи, не исключая и самого Якобсена, указывают на чередование в текстах префиксов *ти-* и *е-*, пока представляется более вероятной прежняя точка зрения, согласно которой *ти-* и *е-* относятся к одному и тому же разряду показателей. Что касается значений этих префиксов, то, как уже отмечалось, с толкованием префикса *е/и-*, предложенным Якобсеном, вряд ли можно согласиться, характеристика же префикса *ти-*, напротив, представляется очень интересной. Истолкование значения этого префикса как относящегося глагольное действие к «пространству» ситуации высказывания¹⁴ прекрасно объясняет большинство случаев его употребления, и в это определение укладываются по существу все другие теории, предложенные для истолкования префикса *ти-*. Что касается префиксов *ба-* и *бе/и-*, то им почти всеми шумерологами приписывалось локативное значение, весьма близкое к семантике, предполагаемой Якобсеном. Но постулируемая гипотезой Якобсена самостоятельность показателей *ти-*, *ма-*, *ти-* представляется нам весьма маловероятной, так как устанавливаемое автором семантическое различие между этими элементами нелегко проследить на материале текстов.

В следующем разделе Якобсен разбирает «инфиксы» (пространственные префиксы). По мнению автора, они определяли более точную локализацию действия по сравнению с «префиксами», но строились по тому же принципу, что и последние. Кроме уже перечисленных надежных показателей *-а-*, *-и-*, в состав инфиксов могли входить так называемые сложные надежные показатели, образованные из показателей *-а-* и *-и-* (т. е. по происхождению восходящих к имени) элементов *-г-*, *-д-*, *-š-*, *-т-*, *-г-* (стр. 89, прим. 13). Таким образом, показатели *-па-*, *-нта-* и т. д. рассматриваются автором как состоящие из трех элементов: местоименного элемента *-п-*, именного *-г-*, *-т-* и т. п. и надежного *-а-* и т. п. Вряд ли в таком понимании их структуры есть необходимость, так как пространственные показатели при имени (которые, собственно, и повторяются внутри глагольной формы вместе с местоименным элементом, соотносящим данный показатель с соответственным именем в предложении) уже имеют вид *-а-*, *-га-*, *-та-* и

т. д. и не разложимы на два элемента, независимо от их этимологии.

Инфиксы с нулевым пространственным элементом были показателями субъекта или прямого объекта (ед. ч. 1 л. *-Ø-*, 2 л. *-е-*, 3 л., класс лиц *-п-*, 3 л., класс вещей *-б-*; мн. ч. 1 л. *-ме*¹⁵, 3 л. *-пе-*). Подобно Пибелю, Якобсен считает, что присоединение показателя прямого объекта к глаголу придавало глагольной основе факитивное значение. Спорный вопрос о наличии каузатива в шумерском он решает положительно. Однако предполагаемые им показатели каузатива вряд ли можно считать таковыми¹⁶. В действительности в примерах, приведенных Якобсеном, эти показатели, очевидно, употреблены в том значении, которое было установлено еще Пибелем и Фалькенштейном, например, *-ни-* в значении локативного инфикса, *-б-* в роли показателя прямого объекта 3 л. ед. числа социально-пассивного класса и т. д.

«Инфиксы», согласно Якобсену, размещались в пределах глагольной формы следующим образом: вначале «инфиксы» с показателем *-а-*, затем с показателем *-е-*, наконец, с нулевым показателем. Если в одной и той же глагольной форме было несколько инфиксов с одним и тем же надежным показателем, то они располагались так: вначале инфикс с надежным показателем *-а-*, затем с *-г* + *-а-*, с *-т* + *-а-*, с *-д* + *-а-* и затем с *-š* + *-а-*. Если в глагольной форме встречались два «инфикса» с одним и тем же пространственным показателем, но с разными местоименными элементами, то «инфикс» с местоименным элементом класса лиц предшествовал «инфиксу» с местоименным элементом класса вещей.

По мнению Якобсена, показатели субъекта или прямого объекта не имели твердого места в глагольной форме: показатель субъекта 1 л. ед. числа¹⁶ стоял сразу после префикса спрягаемой формы глагола, 2 л. — после инфикса с надежным показателем *-а-*, 3 л. — непосредственно перед глагольным корнем. Но поскольку показатель 1 л. ед. числа неизвестен (по-видимому, этот показатель был нулевым), а в отношении показателя 3 л. у Якобсена нет расхождений с предшествующими исследователями, постольку спор может идти только о показателе 2 л. ед. числа. Примеры, на основании которых Якобсен делает свой вывод о месте этого показателя, с нашей точки зрения, можно толковать и иначе,

¹⁴ Автор подчеркивает, что этот показатель засвидетельствован только в грамматических пособиях.

¹⁵ К показателям каузатива автор относит не только «инфиксы»: *-г-*, *-ни/-п-*, *-б-*, *-ме-*, *-пе-*, *-не/-ни-*, но и префиксы *ти-*, *би-*.

¹⁶ Показателей субъекта мн. числа Якобсен не рассматривает.

так как труднообъяснимый элемент -е- иной раз появляется непосредственно после префикса спрягаемой формы глагола и до всех прочих показателей, безусловно не будучи показателем 2 л. субъекта (при подлежащем и прямом объекте в 3 лице).

Последний раздел статьи посвящен суффиксам. Разбор суффиксов Якобсен начинает с так называемых «суффиксов основы»¹⁷ -ed и -е.

Суффикс -ed, по-видимому, рассматривается как придающий глаголу характер действия, синхронного какой-то хронологической точке, будущей по отношению к моменту высказывания, а суффикс -е указывает на длительность, незавершенность действия. Особенно ясно, по автору, характер последнего суффикса чувствуется при его употреблении с глагольными формами, передающими действие в прошлом: gaba-ri i-pà(d)-dè gaba-ri in-pà(d) «ответ он искал, ответ он нашел». Предлагаемая характеристика суффикса -е не является новой; она близка трактовке А. Пибеля (GSG, § 450) и отчасти Р. Жестена (VS, стр. 212). С нашей точки зрения, говорить о временах в шумерском вообще нельзя; суффикс -е выражает вид несовершенный, а -ed имеет модальное значение.

К суффиксам второй группы («суффиксы в более узком смысле») Якобсен относит показатели: ед. числа 1 л. и 2 л. -en, 3 л. -ø, мн. числа 1 л. -enden, 2 л. -enzen, 3 л. -eš (а после суффикса длительности -e¹⁸ — -NE)¹⁹. Эти суффиксы выражают в переходных глаголах и в Praesens-Futurum переходного глагола субъект, а в формах Praeteritum переходного глагола — прямой объект.

Показатель 3 л. мн. числа Praesens-Futurum Якобсен предлагает читать (-e)-dè вместо принятого до сих пор -e-ne. Свой вывод он подтверждает вариантами написаниями, где вместо знака NE = ne, dè употреблен знак TE = de, а также данными лексикологической серии á — A: nāqu, где для знака NE при его употреблении в качестве показателя множественного числа дается чтение de. Весьма вероятно, что здесь автор прав²⁰.

¹⁷ Наименование неудачное, так как это грамматические, а не лексические морфемы.

¹⁸ Т. е., по нашей терминологии, после показателя несовершенного вида.

¹⁹ Перечисленные суффиксы, по Якобсену, состоят из местоименного ядра, за которым следует нулевой показатель коллативного падежа (стр. 99, прим. 19).

²⁰ Против его толкования говорит только то, что в таком случае не только графически, но и в самом языке были бы не различимы окончания 3 л. мн. числа Praesens-Futurum -ede (-ene в старом чтении) и окончания 3 л. ед. числа модальной формы с суффиксом -ed: ed-e.

В 1 л. мн. числа Якобсен предлагает различать эксклюзив («мы с ним») — показатель -de как в 3 л. мн. числа — и инклюзив («мы с тобой», т. е. «я + ты [+он]») — показатель -de + en или -en + de + en. Во 2 л. мн. числа автор предлагает различать показатель -zé + en для лиц, более удаленных от говорящего, и -en + zé + en для обозначения лиц, более близких к говорящему. Существование в текстах форм -de(n) и -enden, -zen и -enzen бесспорно, но предполагаемое автором семантическое различие остается гипотезой; автор сам указывает на то, что в поздних текстах это различие уже не существует, а в более ранних текстах примеров на употребление 1 и 2 л. мн. числа очень мало, а возможные формальные различия между показателями скрадываются особенностями графики.

К группе «постфиксов» Якобсен относит показатели -gišen (выражает ирреальность, -а и -ø выражают номинализацию глагольной формы) и -eše (указывает на прямую речь — «мол»). Два показателя номинализации глагольной формы Якобсен вводит по аналогии с двумя показателями -а и -ø для глагольного имени. Однако при образовании формы сказуемого придаточного предложения (главная функция номинализации глагольной формы) суффикс -ø не встречается²¹. Показатели -gišen и -eše лучше рассматривать не как часть глагольной формы, а как энклитические частицы.

Таковы основные положения работы Якобсена, во многом весьма спорной, но чрезвычайно интересной и ценной, так как она вызывает серьезные размышления по всем поднятым автором вопросам.

И. Т. Канева

Статья В. фон Зодена²² посвящена сопоставлению аккадского *t*-Perfekt с шумерскими глагольными формами, имеющими префиксы ba-, imma- и ù. Вслед за И. Е. Гельбом В. фон Зоден считает, что значение аккадского «перфекта» с ин-

²¹ При сочетании с падежным показателем, играющим роль подчинительного союза, глагольная форма сказуемого придаточного предложения может и не являть суффикса -а, однако все подобные случаи могут быть объяснены комбинаторно-фонетическими условиями (элизия). Признание существования нулевого показателя номинализации глагольной формы означало бы невозможность отличать в текстах придаточное предложение от главного.

²² W. von Soden, Das akkadische *t*-Perfekt in Haupt- und Nebensätzen und sumerische Verbalformen mit den Präfixen ba-, imma- und ù-, стр. 103 — 110.

фиксом *-i(a)-* возникло из сепаративного значения форм вторичных глагольных пород с инфиксом *-i(a)-* от глаголов движения. Перфект, сепаратив и тесно связанный с ним вентив — формы, не имеющие аналогий в других семитских языках, являлись, по мнению автора статьи, возможно, результатом влияния шумерского языкового субстрата на аккадский.

По наблюдениям автора, впервые отнесенному частое употребление форм перфекта наблюдается в старовавилонских отрывках поэмы о Гильгамеше, где он передает значение изменения направления действия. Аналогичное значение имеет перфект и в старовавилонских двуязычных (шумеро-аккадских) надписях, где в шумерском тексте ему соответствуют глаголы с префиксами *ba-* и *imma-*. В. фон Зоден полагает, что в шумерских строительных надписях времени Гуден глаголы с префиксом *ba-* передают всякий раз начало нового этапа в храмовом строительстве.

Уже в староаккадских текстах, по особенно в старовавилонских и староассирийских, перфект употребляется в условных предложениях, вводимых союзом *šumma*. Автор считает, что такие предложения обычно имеют значение гипотетического условия, отчасти же употребление в них перфекта объясняется функцией перфекта передавать последовательность действий в сфере прошедшего. В так называемых «шумерских законах» аккадский перфект после *šumma* соответствует шумерской глагольной форме с префиксом *ba-* в условных предложениях. В связи с изложенными выше фактами фон Зоден и выдвигает гипотезу о возникновении функций аккадского перфекта под влиянием фактов шумерского языкового субстрата.

Еще в свое время фон Зоден обнаружил, что аккадский перфект может выполнять функцию «предбудущего времени». В шумерском языке такую функцию выполняет проспектив с префиксом *ù-* (передающий также гипотетическое условие). На этом основании автор считает, что шумерский проспектив мог повлиять на образование данной функции аккадского перфекта.

Автор утверждает, что начиная со среднеавилонского и среднеассирийского периодов перфект употребляется в письмах и ряде других текстов в значении утверждения о факте действия, а претерит — в значении констатации факта действия. Такое употребление перфекта и претерита, как полагает автор, соответствует употреблению шумерских глагольных форм с префиксами *mu-* и *i-* в поздних шумерских текстах. В. фон Зоден предполагает, что и в данном случае мы имеем дело с влиянием шумерского субстрата на аккадский.

Аккадский перфект не имеет аналогий в других семитских языках. Поэтому очень заманчиво объяснить происхождение его функций (по форме он совпадает с претеритом вторичных пород) влиянием шумерского языка. Подобную гипотезу мельком высказал уже А. Гётце²³. Но чтобы гипотеза фон Зодена приобрела силу теории, необходимо исследовать все случаи употребления перфекта в староаккадском, старовавилонском и староассирийском диалектах в сравнении со случаями употребления претерита и, соответственно, окончательно выяснить функцию шумерских префиксов *ba-*, *imma-* и *ù-*, которая далеко не ясна. На необходимость этого указывает и сам автор.

Что касается влияния позднешумерских глаголов с префиксами *mu-* и *i-* на формирование функций перфекта и претерита среднеавилонского, среднеассирийского и более поздних диалектов аккадского, то здесь гипотеза В. фон Зодена с самого начала вызывает сомнения. Во-первых, очень трудно поверить в возможность влияния языка давно умершего²⁴, языка науки и религии, на живые разговорные диалекты (согласно гипотезе фон Зодена, особенно воздействию мертвого шумерского языка подвергся язык писем — главным образом частных!). Во-вторых, еще совершенно не ясна функция самих шумерских префиксов *mu-* и *i-*²⁵. В-третьих, точка зрения фон Зодена на функцию перфекта и претерита в среднеавилонский и среднеассирийский периоды не так бесспорна, как, видимо, полагает автор.

Гипотеза фон Зодена о том, что, начиная со средней стадии аккадского языка, перфект употребляется для утверждения о факте действия, а претерит — для констатации этого факта (см. GAG, § 80), основана на следующих соображениях:

- 1) перфект чаще употребляется в письмах, чем в юридических документах;
- 2) перфект не употребляется в отрицательных и вопросительных предложениях;
- 3) перфект обычно не употребляется в относительных придаточных предложениях. Факты эти бесспорны, но толковать их можно и иначе, чем автор.

1. Если сравнить среднеавилонские письма, например, с надписями среднеас-

²³ A. Goetze, The *i*-form of the Old Babylonian Verb, JAOS, 56, 1936, № 3—4, стр. 332—334.

²⁴ Среднеавилонский и среднеассирийский диалекты относятся примерно к 1500—1000 гг. до н. э., в то время как на юге Вавилонии шумерский вымер, видимо, не позже 1600 г. до н. э., а в Ассирии — еще значительно раньше (не позже 2000 г. до н. э.).

²⁵ См., например, совершенно иное толкование этих префиксов в статье: Струве, Проверка теории ...; он же, Префиксы *mu-* и *e-*...

сирийских царей, написанными в основном на вавилонском диалекте (лишь с некоторым налетом ассиризмов), то обнаруживается, что в первых (как и в среднеассирийских письмах) очень распространен перфект, а в последних он почти отсутствует. И объясняется это, вероятно, не тем, что в царских надписях действие констатируется, а в письмах о нем лишь утверждается (скорее наоборот!), а тем, что язык писем близок к живому разговорному языку, а язык царских надписей очень от него далек и преднамеренно архаизирован.

2. Проблема вопросительных предложений нуждается в дальнейшем исследовании, но что касается отрицательных, то уже в старовавилонский период перфект в них обычно не употребляется²⁶, таким образом, это очень древнее свойство перфекта, если не изначальное, причины которого следует искать уже в рамках древнейших диалектов²⁷.

3. Еще Л. Оппенгейм указывал, что в старовавилонском диалекте в придаточных относительных предложениях обычно не употребляется претерит с инфиксом *-t*²⁸ (т. е. форма, которую теперь называют перфектом). И это очень естественно. При описании прошедших событий перфект обычно выражал действие, следующее за претеритом, даже в самостоятельном или главном предложении; действие же того относительного придаточного предложения, в котором может употребляться перфект или претерит, обычно предшествует действию главного. Что же касается событий, от-

носящихся к будущему, то при описании их перфект употребляется и в главных и в придаточных предложениях как в древний, так и в средний период («предбудущее время» по фон Зодену). Сфера функций перфекта и здесь ограничивается, но уже не претеритом, а презенсом. Таким образом, первоначальная причина неупотребления перфекта в большинстве относительных придаточных предложений заложена в исходном различии между видо-временными функциями перфекта и претерита. Отсюда следует, что перфект средней стадии аккадского языка — прямое продолжение перфекта предшествующих периодов, но только здесь начинают стираться функциональные различия между претеритом и перфектом в пределах утвердительного самостоятельного и главного предложения²⁹, с постепенным вытеснением здесь претерита перфектом. Именно благодаря вытеснению претерита в главных предложениях стало бросаться в глаза отсутствие перфекта в дополнительных придаточных предложениях — черта, которая, однако, была присуща перфекту с самого начала. Причины расширения сферы действия перфекта лежат, вероятнее всего, в рамках развития самой аккадской видо-временной системы, исторически менявшейся, как и весь язык в целом.

Что касается каких-либо объективных различий между перфектом и претеритом на средней стадии аккадского языка, помимо синтаксических, то анализ употребления этих глагольных форм в среднеассирийских законах и юридических документах не позволил его уловить. К такому же выводу пришел в конечном итоге и Ю. Аро, проанализировав язык средневавилонских писем³⁰.

Г. Х. Каплан

²⁶ Goetze, ук. соч., стр. 313—316.

²⁷ [Быть может, следует обратить внимание на то обстоятельство, что в новошумерском префикс *imma-* (но не *ba-*) почти не употребляется с отрицанием. Так же и проспектив с префиксом *u-* не имеет в шумерском отрицательной формы. — И. Д.].

²⁸ L. Oppenheim, Die mittels *t*-Infixes gebildeten Aktionsarten des Altbabylonischen, WZKM, 42, 1935, стр. 19—21.

²⁹ К ним в аккадском формально относятся и условные предложения с союзом *šumma*.

³⁰ J. Aro, Studien zur mittelbabylonischen Grammatik, SO, XX, 1953, стр. 86.

«History of Mankind, Cultural and Scientific Development». Vol. I. «Prehistory and the Beginnings of Civilisation», pt. II. «The Beginnings of Civilisation by Sir L. Woolley». L., 1963, стр. 359—854.

Издание, второй части I тома которого посвящена настоящая рецензия, в целом ставит своей целью проследить весь исторический путь создания человечеством его современной культуры — науки, техники и искусства. Как указывает автор предисловия ко всему изданию — глав-

ный директор ЮНЕСКО René Maheu, эта цель соответствует общей задаче ЮНЕСКО — укреплению и развитию международного культурного сотрудничества (т. I, стр. XII). René Maheu особенно подчеркивает, что настоящее издание принципиально отличается от

других всемирных историй тем, что выдвигает на первый план вопрос о прогрессе человеческого познания мира, оставляя в тени вопросы социально-экономической и политической истории. Разумеется, подчеркивание прогрессивного хода развития человечества выгодно отличает рецензируемое издание от многих всемирных историй, выходящих в наши дни на Западе, которые либо освещают историю человечества с неомпиглерианских позиций, отрицающих вообще прогрессивный характер ее развития, либо возрождают в тех или иных вариациях гегелевскую идеалистическую концепцию прогресса как развития идеи. Однако от идеалистического понимания прогресса, идеалистического объяснения движущих сил исторического процесса не свободно и рецензируемое издание, концепция которого в конечном итоге отражает технократические утопии, имеющие хождение на Западе. Этот идеализм сказывается уже и в самой формулировке целей издания, в резком противопоставлении истории «знаний и культуры» — истории социально-экономической, однако поскольку авторы понимают слово «знания» (sciences) весьма широко, включая в него и то, что марксизм определяет как развитие производительных сил, авторы фактически нередко дают материалистическое объяснение ряду явлений, в чем несомненно нашло отражение влияние марксистских исторических идей. Так, весьма характерно, что автор не рассматриваемой нами первой части I тома, посвященной «Prehistory», J. Hawkes фактически придерживается марксистского тезиса «труд создал человека». Следует отметить еще и проскальзывающие в предисловии директора ЮНЕСКО антивоенные тенденции.

Во втором предисловии ко всему изданию президент Международной Комиссии по истории научного и культурного развития человечества при ЮНЕСКО проф. Пауло Е. де Берредо Карнейро (Бразилия) указывает, что задачей издания является не «изложение философии истории в свете экономических, интеллектуальных и моральных законов, которые могут определять (may govern) общественное развитие, но описание с универсальной точки зрения вклада каждого века, каждой области, каждого народа в научное и культурное восхождение (ascent) человечества» (стр. XVII).

В соответствии с общими принципами подготовки издания рукопись второй части I тома, написанная известным английским археологом Леонардом Вулли, была разослана консультантам, избранным либо национальными комитетами ЮНЕСКО, либо Международной комиссией под председательством проф. П. Е. де Берредо Карнейро. Затем присланные этими консультантами замечания были сообщены автору текста, который отча-

сти учел их при исправлении своей рукописи, а остальные использовал в примечаниях, либо излагая мнение своих критиков и приводя свои возражения (на которые в отдельных случаях консультанты в свою очередь сделали контрвозражения, также опубликованные в примечаниях), либо (реже) цитируя эти замечания в собственной формулировке консультантов. Приведение в порядок этих материалов Международная комиссия поручила своему специальному консультанту по этой части тома проф. египтологу Страсбургского университета Ж. Леклану, который и сам сделал ряд замечаний. В примечаниях использованы также замечания покойного проф. Р. Тэрнера (США), которому первоначально было поручено руководство работой по I тому.

В предисловии ко второй части тома автор египтолог Вулли, который не был историком в собственном смысле слова и не обладал достаточно глубокими познаниями в области древневосточной филологии, сам указал на недостаточность своей эрудиции для осуществления поставленной перед ним задачи и, не претендуя на оригинальность исследований, выводов и выводов, высказал, однако, надежду, что труд его окажется достаточно доброкачественным с фактической стороны, поскольку он подвергся тщательной проверке таких крупнейших специалистов, как египтолог Алан Гардинер, ассириолог С. У. Гэдд, историк математики Б. Л. Ван Дер Верден, хеттолог О. Р. Гэрри, ассириолог В. Ф. Лееманс и некоторых других. Он отметил также, что ему принесли большую пользу «критика и советы» советских исследователей В. В. Струве и И. М. Дьяконова (стр. 361). Замечания В. В. Струве и И. М. Дьяконова были в свое время полностью опубликованы в журнале «Вестник истории мировой культуры» (1957, № 1, стр. 178—185 и 1958, № 4, стр. 122—142). В. В. Струве сформулировал здесь основные принципиальные возражения по тексту, представленному Вулли для обсуждения, а также сделал серьезные замечания фактического порядка, обосновав их ссылками на источники. Замечания И. М. Дьяконова также касались как теоретических, так и конкретных вопросов и, в частности, многочисленных фактических ошибок текста Вулли. Ряд замечаний Струве и Дьяконова были учтены автором при переработке текста; например, по указанию В. В. Струве Вулли использовал сравнительно недавно открытые законодательные памятники — законы Липит-Иштара и города Эшнунны, а также документы архива Мари. Более того, Вулли принял полностью конкретное, но имеющее принципиальный характер замечание Струве — указание на данные о высоком развитии рабства военнопленных в Египте Нового царства —